

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration. At the top, a large, dark silhouette of a man's head in profile, wearing a hat and smoking a pipe, looms over the scene. Below this, a large, multi-story house with a gabled roof and a chimney is visible. The house has several windows, some of which are lit from within, casting a warm glow. In the foreground, on the left, a dark horse is rearing up on its hind legs. In the center, the open doorway of the house is brightly lit from within, and three figures are standing in the threshold, looking into the light. From left to right, they are a woman in a long, dark dress, a man in a suit, and a man in a long coat and hat, possibly a detective or investigator. The overall color palette is dark, with deep blues, greys, and browns, punctuated by the warm yellow light from the house's interior.

Имран Фаикоглу

ДОМ
УМИРАЮЩИХ
КНИГ

«Говорят, чтение —
безобидное занятие...
пока не откроешь
не ту книгу.»

Имран Фаикоглу

Дом умирающих книг

<https://litres.ru/73942118>

SelfPub; 2026

Аннотация

Шамиль — реставратор старинных книг, привыкший иметь дело с пылью, временем и чужими историями. Но очередной заказ приводит его в уединённую усадьбу, где огромная библиотека хранит нечто гораздо более опасное, чем редкие издания.

Пытаясь раскрыть тайну загадочного гримуара, Шамиль всё глубже погружается в мир, где граница между вымыслом и реальностью становится пугающе тонкой. Здесь каждое слово может оказаться ловушкой, а каждая история — дверью, которую лучше не открывать.

Дом умирающих книг- атмосферный мистический рассказ с элементами психологического хоррора и детектива — о книгах, способных менять человека, и тайнах, которые не хотят быть прочитанными.

Имран Фаикоглу

Дом умирающих книг

Эпиграф

«Тот, кому его книгу дадут в правую руку, скажет:

“Вот, прочтите мою книгу!

Я верил, что мне предъявят мой расчёт...”»

«Тот же, кому его книгу дадут в левую руку, скажет:

“Лучше бы мне не вручали моей книги

и не знал бы я, каков мой расчёт...”»

— Сура Аль-Хакка, Священный Коран.

1

Миша постучался ко мне в девять вечера. Я в тот день как раз упрямо горбатился над одной книгой — аккуратно перебирал дряблый переплет. Стук был громким, нетерпеливым, совершенно чужеродным в этой квартире, где единственным нормальным звуком считался сухой шелест страниц.

Я вздохнул, отложив в сторону пинцет и клейкую ленту для архивных работ. Нехотя шаркая тапками, поплелся к

двери мимо шатких башен из книг, которые громоздились в коридоре, как древние, занесенные пылью дворцы.

— Шамиль, ты живой там? — раздался приглушенный голос Миши.

Я щелкнул замком. На пороге стоял он — двадцатилетний взъерошенный парнишка в толстовке с дурацким принятком.

В руках Миша держал пластиковый контейнер, от которого пахло чем-то до боли знакомым и домашним. Кажется, котлетами.

— Живой, — проскрипел я.

Он заглянул мне через плечо, в сумрак квартиры, который развеивал только свет от настольной лампы, едва пробивавшийся из комнаты. Нос у него при этом сморщился — то ли от вездесущего запаха старой бумаги, то ли от вида этого упорядоченного хаоса.

— Мать вот передала. Сказала, ты опять там голодаешь со своими бумажками, — он протянул мне контейнер. — Что, снова реанимация?

Я принял посудину.

— Плановая операция, — ответил я, кивнув в сторону комнаты. — Пациент сложный. «Ветеринарный спутник коннозаводчика», тысяча девятьсот двенадцатый год. Позвоночник почти рассыпался.

Миша покачал головой, глядя на меня как на безобидного сумасшедшего.

— Хех, кому эти кони сейчас нужны, Шамиль?

Он не ждал ответа. Этот вопрос был риторическим, вечным спором между его миром — миром быстрой информации, еды в контейнерах и громкой музыки — и моим, где время застыло на пожелтевших страницах.

— Спасибо скажи матери, — пробормотал я.

— Давай, лечи своих коней, — усмехнулся Миша и зашагал вниз по лестнице.

Я закрыл дверь, и мир снова съёжился до размеров моей комнаты. Запах горячих котлет теперь отчаянно спорил с тонким, сладковатым ароматом тлена.

К тому времени я проголодался. Отложив в сторону две стопки старинных энциклопедий — одна накренилась, угрожая скрипнув ветхим корешком, — я кое-как разгреб на столе место для сковородки.

Пришлось сдвинуть несколько пожелтевших монографий по фортификации и банку с подсохшим клеем.

Контейнер щёлкнул. Внутри, на подушке из гречки, лежали две румяные котлеты — простые, как сама жизнь. Я вывалил их на сковородку. Этот запах — чужой. Из мира, где люди возвращаются домой с работы, ужинают, смотрят телевизор. Он пах заботой. Не той, аккуратной и бескровной, что я дарю книгам, а тёплой, живой.

Я ел, подцепляя гречку, отламывая сочную котлету. Было до смешного вкусно. С последним куском ушло и наваждение. Мир Миши и его матери растворился, оставив грязную сковородку и недолговечное чувство сытости. Я ополоснул

посуду под холодной струйкой и вернулся в комнату.

«Ветеринарный спутник» ждал под лампой. Я искал следы: загибы, пятна, пометки — голос владельца. Нашёл.

На странице про колики карандашом выведено: «Гроза». Не явление, конечно, а кличка. Тут же представился вороной конь — и человек, ищущий спасения на этих страницах. В разделе о копытах — бурое пятнышко. Кровь. Порезанный палец? Или рана была у коня?

Я отрезал полоску кожи, нанёс клей, прижал к корешку. Книга вздохнула — тихо, жадно, как всегда. Почти интимный момент.

Я обернул переплёт вощенной бумагой и прижал томами Соловьёва. Вес у них идеальный. Книгу должны были забрать уже завтра. Редкое издание, маленький тираж — всего двести экземпляров на всю бывшую империю.

Помню, пока я принимал ее от владельца, он несколько раз успел попросить сделать все возможное, чтобы вернуть книгу к жизни. Видимо, она была ему дорога как интимный подарок, как единственная нить, связывающая с кем-то или с чем-то безвозвратно ушедшим.

Закончив, я протер инструменты ветошью, разложил их по местам. Скальпели, пинцеты, костяные гладилки — арсенал доктора, чьи пациенты никогда не жалуются вслух.

Наконец, я выключил настольную лампу. Комната утонула во тьме, и только полоска лунного света из окна слабо очерчивала силуэты книжных башен.

Сотни, тысячи таких вот историй спали на моих полках. У большинства из них уже не было и не могло быть своих клиентов. Их единственным хранителем, их последней надеждой остался я. Но сегодня одна из них была спасена. Завтра она вернется в мир живых, чтобы продолжить служить чьей-то памяти. И это было маленькой, но настоящей победой в моей тихой, бесконечной войне со временем.

2

Люди называют это коллекционированием. Иногда — ба-
рахольщиной. Но они не понимают. Я не собираю книги. Я
строю для них ковчег.

Каждая книга, которую я приношу с уличного развала, за-
бираю из сырого подвала или выкупаю у тех, кто собирался
сдать её в макулатуру, — это спасённая история.

«Зачем тебе это? Всё давно есть в сети», — говорят мне
они.

Но разве можно скачать по сети запах старой бумаги и
клея? Почувствовать через экран гладкость форзаца или
шершавость обложки, истёртой десятками рук до меня?

В цифровом файле нет следов жизни. Нет карандашной
пометки на полях, оставленной студентом полвека назад.
Нет засушенного между страницами кленового листа на па-
мять об осеннем дне, своднике или разлучнике. Нет даже
старого пятна от кофе.

Я лечу их раны: подклеиваю надорванные корешки, рас-

правляю загнутые уголки, стираю пыль десятилетий. И они благодарят меня — тихим, едва слышным шелестом страниц по ночам, когда весь город спит.

Иногда я ищу для них новых хозяев. Отдаю в добрые руки, словно подбираю дом для облезлой дворняжки, которая давно никому не была нужна, но для которой ещё возможно блаженство.

Среди моих подопечных есть и «породистые»: редкие издания в тиснёных переплётах — мои условные кокер-спаниели и французские пудели. Но даже у самых дорогих экземпляров в их бумажных душах застыла одна и та же грусть — тоска по человеку.

Подбор — целый ритуал. Я наблюдаю за человеком, слушаю не то, что он говорит, а то, о чём молчит его взгляд.

Приходит ко мне юноша. Ищет что-то модное, «про успех». А я вижу: ему нужно не про успех — про поражение. Про то, как после встать на ноги. И вместо глянцевого бестселлера протягиваю ему старый, зачитанный томик Ремарка

Настоящая жизнь книг — не здесь, на моих полках. Она начинается там, за дверью: на прикроватном столике, в дорожной сумке, в руках того, для кого она и была когда-то написана. Пусть даже её автор и не догадывался, что пишет именно для этого человека.

Утром я встал рано. К восьми, как по расписанию, заглянул Миша — принёс завтрак: бутерброд с колбасой и овощной салат в пластиковом контейнере. И не ушёл сразу, а за-

держался в прихожей, листая дешёвый любовный роман в мягкой обложке, который кто-то из жильцов оставил на почтовых ящиках.

Я Мишу люблю. Он ведь сын моей тёти — единственного человека, кто по-настоящему позаботился обо мне после того, как родителей разом не стало. Его утренняя забота — не просто соседская услуга, а ниточка оттуда, из того прошлого, которой его мать, моя тётя, упрямо не даёт оборваться.

— Глянь, какие страсти, — хмыкнул он, ткнув пальцем в картинку, где мускулистый пират обнимал девушку в рваном платье. — И никаких тебе коней с коликами. Всё просто: он, она и сокровища.

— Некоторым для счастья нужны сокровища, а некоторым — здоровые кони, — ответил я, возвращая ему пустой контейнер.

Миша пожал плечами, примостил роман снова на стопку энциклопедий и ушёл, насвистывая что-то из своего шумного мира.

Я прошёл в комнату. «Ветеринарный спутник» лежал на столе, готовый к передаче. Я взял его в руки в последний раз. Гладкая, прохладная кожа восстановленного корешка, плотные, чистые страницы.

Когда владелец книги парковал свой дорогуший «Мерседес» под моим окном, я как раз беззаботно докуривал сигарету. И с отстранённым интересом наблюдал за этим ма-

леньким спектаклем: как блестящий на солнце металлический хищник плавно и без единой лишней поправки втиснулся в узкий проём между старенькими машинами моих соседей.

Этот автомобиль был из другого мира. Как и владелец — мне уже видны были сверху, из окна, его дорогие ботинки и аккуратная стрижка.

Я затушил окурок в старой консервной банке и направился в коридор. Через минуту раздался звонок в дверь.

На пороге стоял он — Марат. Идеально скроенный костюм, дорогие часы, запах изысканного парфюма, который на мгновение перебил вечный, сладковатый дух моей квартиры. Я молча кивнул в сторону комнаты. Марат вошёл, и его взгляд сразу нашёл книгу, одиноко лежащую на столе.

Не спеша сняв тонкие кожаные перчатки, он подошёл и бережно, двумя руками, взял «Ветеринарный спутник».

Долго молчал, проводя пальцем по новому корешку, по золотому тиснению. Потом осторожно открыл страницу с надписью «Гроза». Его плечи слегка опустились.

— Книга... как живая, — наконец, тихо сказал Марат, не отрывая взгляда от выцветших карандашных букв. — Вы не просто починили ее. Вы вернули ей голос.

Марат достал толстый конверт и положил его на стопку других книг.

— Здесь с избытком, вы увидите.

Я не стал спорить.

— Спасибо вам, — сказал он уже в прихожей, крепко, но аккуратно прижимая книгу к груди.

Я закрыл за ним дверь. В мире стало на одну спасённую историю больше.

Не успел его аромат раствориться в запахах тленной бу маги, как в дверь постучали — на этот раз коротко и властно. Я открыл, и Марат, не дожидаясь приглашения, шагнул обратно в прихожую, оставив меня в полном недоумении.

— Вы... что-то забыли? — наконец, выдавил я.

Он снял смоляно-чёрные очки, и его пронзительный взгляд больше ничего не скрывало.

— Безусловно. Я забыл предложить вам настоящую работу. Надеюсь, вы не откажетесь.

Я молчал, пытаюсь осмыслить эту внезапную перемену.

— То, чем вы занимаетесь, — это искусство, — сказал он, внимательно оглядывая мои книжные башни.

Марат достал телефон, открыл на нём фотографию и повернул экраном ко мне. На снимке был виден огромный зал, похожий на старинную библиотеку, но в состоянии чудовищного запустения: стеллажи из тёмного дерева, затянутые паутиной, и тысячи книг, поражённых плесенью, сыростью, временем.

Я заметил фолиант с расколотым, как пересохшая земля,

переплётом. Даже на фото было видно — это издание XVI века, не позже. Очень редкое.

— Это только малая часть, — сказал Марат. — Всё наследие рассыпается на глазах. Я готов платить любые деньги. Но мне нужен не просто реставратор, а человек, который сможет этим жить. Сможет сохранить многовековую тайну нашей семьи.

Он убрал телефон и, не дожидаясь моей реакции, продолжил:

— Не спешите с ответом. Подумайте. Это шанс спасти не одну историю, а тысячи.

Марат сделал паузу, направляясь к выходу, и уже в дверях обернулся:

— Я позвоню завтра.

Мой мир — моя тихий, упорядоченный плацдарм для войны со временем — вдруг оказался таким маленьким, почти игрушечным. Там, на этих фотографиях, шла настоящая битва, и целая армия памяти проигрывала её — пыли, запустению, разрухе.

— Работу никто не отменял, — подумал я, силясь вытряхнуть из головы эти картины. Нужно возвращаться с полей грез о великих битвах в свой скромный, тихий окоп. Через пару часов должен был прийти за своим трехтомником Достоевского 1958 года другой заказчик.

Это было обычное советское издание, не представляющее коллекционной ценности. Его «травмы» были не ранами от

забвения, а шрамами от любви: сломанный от сотен прочтений корешок, выцветшее кофейное пятно на страницах с речью старца Зосимы, десятки карандашных пометок, почти стершихся от времени.

Я работал над книгами двое суток. Теперь мне оставалось лишь проверить качество склейки.

Ровно в назначенное время раздался тихий, почти извиняющийся звонок. На пороге стояла Алла Петровна, учительница на пенсии. Её тонкие плечи сгибались под тяжестью скромного пальто, а в добрых глазах застыло ожидание чуда.

Едва Алла Петровна вошла в комнату, её лицо озарилось при виде трёхтомника. Книги выглядели помолодевшими, но не утратили своей сути. Я намеренно не стал выводить старое пятно на одной из обложек: это был шрам, хранящий воспоминания.

— Как новенькие... только лучше, — прошептала пожилая учительница. Взяла один из томов и, пролистав его, остановилась на знакомой странице. — Вот здесь, помню, мы с покойным мужем спорили до хрипоты... Женя говорил, что Алёша — ангел, а я — что он просто человек, который каждый день заново выбирает добро.

Взгляд её подернулся влажной дымкой. Я заметил, как по дряблой щеке медленно скатилась одинокая слеза и затерялась в глубокой морщинке у уголка губ — там, где когда-то жила улыбка.

— Спасибо вам, — она достала из кошелька несколько аккуратно сложенных купюр — ровно оговоренную сумму.

Я принял деньги. Этот скромный гонорар настолько разительно контрастировал с утренним конвертом, что я невольно задержал на нём взгляд.

В книгах пишут об опасности денег, но это лишь половина правды. Их настоящая сила и опасность — в том, кем ты становишься, когда их мало. И кем рискуешь не стать, когда их нет совсем.

Всю свою жизнь я существовал в режиме этого дефицита. Я знал цену каждой неоплаченной квитанции, каждой сэкономленной на еде копейке, которую можно было потратить на редкий клей или кусок хорошей кожи.

Но и у больших денег есть своя цена, и об этом книги тоже говорят. К сожалению, извечные весы работают иначе. На одну чашу бросают золото, а на другую обычно требуют положить нечто невесомое, но бесценное: сначала — молчание, потом — свободу, а в конце — остатки совести.

Деньги Аллы Петровны были благодарностью. Пачка Марата — поводком на шее. Понимал ли я это? Может быть. Но кому интересны мысли, когда они затуманены нищетой?

3

Утром я взялся за другую книгу — «Создание Римской империи» 1965 года. Заказчик говорил о ней с умилением и ноткой трагизма. Я открыл книгу. Пожелтевшие страни-

цы пахли пылью и чем-то неуловимо сладким, как старые письма. На форзаце, выведенная аккуратным инженерным почерком, виднелась надпись:

«Гасану. Помни, что и Вечный город начинался с первого камня. Верь в свою мечту. Папа. 1968 г.»

Гасан, видимо, получил книгу еще мальчишкой, мечтавшим о великих свершениях.

Я осторожно пролистал страницы. Некоторые абзацы, посвящённые строительству акведуков и дорог, были строчка за строчкой подчёркнуты карандашом. На полях, рядом с описанием политических интриг Цезаря, виднелась короткая пометка: «Главное — не бояться».

Умиление заказчика было понятно — это тепло воспоминаний о вере отца. А откуда в его голосе был этот трагизм? Возможно, мечта, которой была посвящена эта книга, так и не сбылась. И моя задача теперь — не просто отреставрировать бумагу и кожу, а сохранить эту незримую, хрупкую историю о несбывшемся Риме одного конкретного человека.

Я откупорил флакон с перекисью водорода и смочил ватный тампон, прижав его к горлышку. Когда вата пропиталась, я, затаив дыхание, начал медленно проводить им по сероватым разводам плесени на полях страниц. Послышалось тихое шипение. Налёт на глазах начал светлеть и растворяться, оставляя после себя влажный след, который я тут же промакивал сухой ветошью. Работа была монотонной и требовала внимания — чуть передержишь, и химия повредит са-

му бумагу. Сантиметр за сантиметром я очищал поля, и под стёртой плесенью проступали новые карандашные пометки..

Телефон зазвонил — я оставил его рядом, но руки-то всё равно теперь заняты. Я перевел взгляд, не прерывая процесса. Незнакомый номер, но я догадывался, кто это. Пришлось отложить тампон, вытереть пальцы и ответить.

— Слушаю.

— Шамиль? Это Марат, — голос в трубке был спокойным и уверенным.

— Говорите, — коротко ответил я, всё ещё глядя только на книгу о Римской империи.

— Хотел узнать, приняли ли вы решение?

— Я еще думаю.

Марат на том конце провода сделал едва заметную паузу.

— Думаете? — в его голосе проскользнуло удивление, смешанное с легким нетерпением. — Шамиль, такие предложения не делают дважды. Это не просто работа. Это возможность оставить след. Настоящий. А не возиться с макулатурой по заказам пенсионеров.

Его слова задели за живое. Я некстати вспомнил учительницу. Но промолчал.

— В чем проблема? — голос Марата стал мягче, но настойчивее. — У вас будет лучшая в стране мастерская, любые материалы, полный доступ. Или вам просто нравится сидеть в этой пыли, Шамиль? Вам нравится сама идея, что вы — одинокий спаситель?

Он попал в точку. Болезненно, точно, как хирург скальпелем. Работа, которую он предлагал, даже со всеми ее благами, была не отвоёвыванием, а вторжением.

— Я не... — начал я и осекся.

Что я мог сказать? Что боюсь выйти из колеи? Что его мир сплошной эффективности и проектов пугает меня?

— Послушайте, — сказал Марат, — я не пытаюсь вас купить, хотя деньги и правда очень хорошие. Я пытаюсь дать вам возможность делать то, что вы любите, в масштабе, которого вы заслуживаете. Хватит спасать рядовых. Пора командовать армией.

Он снова сделал паузу, давая мне время.

— Я жду вашего звонка до завтрашнего полудня, — повторил Марат, и теперь это был даже не ультиматум, а, скорее, констатация факта. — Подумайте, что для вас важнее: процесс или результат.

Гудки. Я медленно опустил телефон. «Процесс или результат». Марат разделил сейчас мою жизнь чертой, произнеся эти два слова, и я понял, что всегда выбирал первое.

Но правильно ли это было?

4

Миша почувствовал мою растерянность. Утром он занес мне контейнер с овсянкой и так и прилип с вопросами у двери.

— Так, выкладывай, — он без предисловий просканиро-

вал меня взглядом с головы до ног. — Что случилось? На тебе лица нет.

— Ничего, — я попытался улыбнуться, но, кажется, только скривил губы. — Не выспался просто. Спасибо за кашу.

Я сделал вид, что собираюсь закрыть дверь, но он уперся в нее рукой.

— Не ври мне. «Не выспался» — это когда у тебя мешки под глазами. Каждый день, собственно. А сейчас у тебя взгляд такой, будто ты только что сделку с дьяволом заключил. Ну или, как минимум, взял ипотеку на сто лет.

Его шутка попала так близко к цели, что у меня на миг перехватило дыхание. Врать лучшему другу в глаза — отличное начало нового дня.

— Миш, правда, всё сложно. Давай не сейчас, а?

Миша внимательно посмотрел на меня, взвешивая, стоит ли давить дальше. Наконец, вздохнул.

— Ладно. Тогда я скажу маме. Пусть она тебя пытается.

Угроза была низкопробной, манипулятивной и абсолютно гениальной. Только не это.

— Стой, — выдохнул я, опуская плечи в знак полной капитуляции. — Ладно. Твоя взяла. Заходи.

Миша победно хмыкнул. Он проследовал за мной на кухню, сел за стол и демонстративно уставился на меня, подперев голову рукой. Ждал.

Я поставил на стол контейнер с овсянкой, включил чайник, достал чашки — делал что угодно, лишь бы оттянуть

неизбежное.

— Ну? — не выдержал он. — Академия наук присуждает тебе премию за самую долгую в мире паузу?

Я сел напротив и посмотрел на свои руки.

— Мне предложили работу, — тихо сказал я. — Очень... большую работу.

— Это повод так выглядеть? Ты же искал. Радоваться, вроде, должен.

— Это не та работа, которой радуются, Миш. Это та, от которой не отказываются. Деньги... там совсем другие деньги. И совсем другие обязанности..

У Миши загорелись глаза, да так, будто работу предлагали ему. Вся тревога с его лица исчезла, сменившись азартным, хищным выражением, которого я у него никогда не видел. Он наклонился через стол, понизив голос до заговорщического шепота.

— Опасно? — спросил Миша прямо.

Я молча кивнул.

— Это работа... в библиотеке.

Миша растерянно моргнул. Охотничье напряжение с его лица схлынуло, сменившись полным недоумением.

— В библиотеке? Ты хочешь сказать, на тебя так подействовала перспектива перебирать пыльные карточки? Или ты боишься злых старушек-библиотекарей?

— Это не обычная библиотека, — я понизил голос. — Это огромное хранилище. Ее владелец хочет, чтобы я восстано-

вил ее.

— Ты что, уедешь? — Миша заерзал на стуле.

— Да, — тихо ответил я. — Это старое поместье, в паре сотен километров от города. Нужно будет жить там.

Миша ссутулился, и его плечи поникли. Вся его напускная бравада, фантазии о приключениях и тайнах разбились о простое и упрямое слово «уедешь».

— Надолго? — его голос стал глухим.

— Я не знаю. Владелец сказал: «Столько, сколько потребуется». Может, месяцы. Может, годы.

Он молча смотрел на стол, на свои руки, на так и не тронутую овсянку. Я впервые видел его таким потерянным.

— Я, пожалуй, пойду, — сказал он вдруг.

— Ладно, Миш, только тете пока ни слова, договорились?

Он кивнул. За спиной хлопнула дверь — глухо, окончательно, словно удар молотка на аукционе. Лот «Наша прежняя жизнь» продан.

Я поднял контейнер и выбросил содержимое в мусорку. Аппетита не было.

5

Марату не решался позвонить ещё долго, но в итоге, конечно, сделал это. Он ответил после второго гудка, и его спокойный, ровный голос прозвучал так, словно он сидел рядом и ждал.

— Я слушаю.

Вся моя тщательно выстроенная решимость на миг пошатнулась.

— Марат... — я сглотнул, — это Шамиль. Я согласен.

В трубке на мгновение воцарилась тишина.

— Отлично, — произнес он все тем же ровным тоном.

— Что мне делать дальше? — спросил я, переходя к делу.

— Пакуйте вещи. Только самое необходимое. Одежда, личные принадлежности. Книги брать не нужно, — в его голосе проскользнула тень усмешки. — Поверьте, их у вас будет в избытке. Никаких прощальных вечеринок, Шамиль. Вы должны исчезнуть тихо.

Мне потребовалась ещё одна небольшая пауза.

— Исчезнуть? — переспросил я.

— Для вашей старой жизни — да. Это обязательное условие. Завтра в семь утра под вашим домом будет стоять машина. Черный седан. Водитель назовет ваше имя. Вы просто сядете на заднее сиденье. Все остальные инструкции получите на месте.

Он снова замолчал, давая мне осознать сказанное. Не просто работа в другом городе. Исчезновение. Черная машина. Все это походило на начало шпионского романа, а не на трудоустройство в библиотеку.

— Вы меня поняли? — спросил Марат.

— Понял, — мой голос прозвучал глухо.

— Вот и хорошо. До встречи.

Короткие гудки. Я опустил телефон. Абстрактное реше-

ние обрело четкие очертания: черный седан. Семь утра. Один вечер и одна ночь, чтобы упаковать остатки своей жизни в чемодан.

К вечеру пришел Миша. Занес макароны по-флотски. Я лишь кивнул в знак благодарности, не в силах вымолвить и слова. А Миша вдруг весь замер у порога. Неловко, по-мужски, обнял меня, быстро и крепко хлопнув по спине. Это длилось секунду, не больше.

— Звони, слышишь? — сказал он, уже глядя в сторону, чтобы я не видел его лица. — Не пропадай насовсем. И с тетей попрощайся. Обязательно.

Миша хотел отстраниться, но я удержал его, притянув обратно. Я прижал его голову к своему плечу, как делал в детстве, когда он разбивал коленки. Потрепал взъерошенные волосы, пахнувшие чем-то неуловимо родным. И только тогда я позволил себе почувствовать, как горячие, непрошенные слезы выступили на глазах.

Миша замер на мгновение, а потом судорожно вздохнул, вытирая рукавом щеки. Не сказав больше ни слова, он выскользнул за дверь. Замок щелкнул, глухо отозвавшись у меня глубоко в сердце.

— Эх, Миша, Миша. Знал бы ты, что такое страсть. Маня быть услышанным, понятым, — подумал я.

Весь смысл жизни таких, как я в том, чтобы однажды кто-то, подобно Марату, посмотрел на дело их рук и сказал: «То, что вы делаете — искусство». И в этой фразе скрыт огонек,

как для мотылька.

С тетей прощаться не хотелось — я не умел этого делать. После смерти родителей слезы удивляли: казалось, их запас иссяк навсегда.

Представил, как спускаюсь на два этажа ниже. Тетя Валя, конечно встретит у порога — счастливая, что я, наконец, выбрался из своей конуры и решил ее навестить. Потянет на кухню, где пахнет сдобой и покоем, усаживает на старый стул, помнящий меня еще ребенком, и задает простые, но самые трудные вопросы:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.